

El 11 de septiembre 1997 *Mario Saavedra*

Dmitri Hvorostovsky

Una de las grandes leyendas

La ópera es un gran deporte, una exhibición de proezas físicas y técnicas, según Peter Conrad, a la vez que manifestación artística de inspiración casi religiosa, la cual busca el cielo de donde la música se derramó inicialmente como la luz solar de Apolo. En tales términos, los cantantes envían sus notas altas en incursiones exploratorias y utilizan sus escalas como si fueran las de Jacob. En cuanto el propósito de la ópera es la exultación, una palabra define su efecto visceral y su excelsa visión, aquella pronunciada por el Otello de Verdi cuando se retira la tormenta: "Esultate! L'orgoglio musulmano, sepolto è in mar, nostra è del cielo e gloria...".

Si bien el firmamento pareciera estar dominado por las sopranos y los tenores, las demás tesituras también han alimentado el esplendor mítico del mundo de la ópera. En cuanto a barítonos se refiere, dentro de una nómina que ostenta nombres de la talla de Titta Ruffo, Ettore Bastianini, Leonard Warren, Tito Gobbi, Giuseppe Taddei, Robert Merrill, Dietrich Fischer-Dieskau, Piero Cappuccilli y Hermann Prey, por sólo citar a algunas de las leyendas más destacadas en dicho registro en el presente siglo, Dmitri Hvorostovsky cuenta con los atributos necesarios para alcanzar tal nominación. La mayoría de los grandes barítonos han alcanzado su mayor brillo en plena madurez, por lo cual sorprende que este fenómeno siberiano, con apenas treinta y seis años de edad, posea ya una firmeza vocal que le permite abordar con éxito los más diversos repertorios.

Hvorostovsky inició su carrera siendo todavía muy joven, y ya hacia finales de los ochenta contaba con un nombre en varias de las más destacadas casas de ópera. Sus primeros documentos discográficos abarcaron los repertorios folclórico y clásico rusos, dentro de una vertiente nacionalista en la cual sobresalían autores como Anton Rubinstein, Borodin, Músorgski, Rimski-Kórsakov, Chaikovski y Rajmáninov. Espléndido en la ópera rusa, de lo cual también hay constancia en sendas grabaciones suyas tanto de Eugene Onegin como de La dama de picas, de Chaikovski, pronto empezó a incursionar, no con menor éxito, en el belcantismo (Rossini, Bellini y Donizetti) y el tan amplio como rico catálogo verdiano para barítono.

Enormes expectativas se habían despertado en el público mexicano con la primera visita de tan carismático cantante, mismas que han sido cubiertas con un debut de proporciones insospechadas en cuanto a la respuesta de quienes nos consideramos entre sus devotos admiradores. Bello timbre, amplio registro, potencia, fraseo, técnica y personalidad son algunas de las mayores cualidades en quien aparece como uno de los barítonos del momento, auténtico fuera de serie por

la manera en que interpreta y cautiva al auditorio. Su emisión tanto de graves como de agudos es impecable, dentro de una línea de canto en que la musicalidad y el derroche histriónico se ajustan perfectamente a los distintos roles y melodías interpretados, con esa calidez y esa intensidad que sólo proyectan quienes están verdaderamente destinados al maravilloso y complejo arte de la ópera.

Con el porte y la elegancia de un personaje tolstoiano (el conde Andréi Bolkonski, de *La guerra y la paz*), Hvorostovsky ofreció en la primera mitad del programa algunos números del repertorio ruso que lo dieron a conocer; entre otras arias, el famoso "Uzhel ta samaya Tatyana" del tercer acto de Eugene Onegin y el no menos hermoso "Ya vas lyublyu" que canta Yeletsky en *La dama de picas*, las dos óperas más oídas de Chaikovski. La parte rusa la completó dicho barítono siberiano con un pasaje de la poco usual *La novia del zar*, de Rimski-Kórsakov, repertorio al que nuestra Camerata, bajo la correcta batuta del joven norteamericano Kamal Khan (asistente de James Levine en la Metropolitan Opera de Nueva York), se sumó con dos de las partituras de dicho catálogo que con mayor frecuencia se incluyen en los programas sinfónicos: la obertura de *Ruslán y Liudmila*, de Glinka, y la *Polonesa* del propio Eugene Onegin. Para confirmar que tampoco la ópera francesa le resulta desconocida, el carismático barítono cerró esta primera mitad con el sentido aire de Valentín en el segundo acto de *Fausto*, de Gounod: "Avant de quitter ces lieux...".

Verdiano por excelencia, la segunda parte de este recital de Dmitri Hvorostovsky estuvo dominada por el genio de Roncole. Cuatro de las arias más famosas de Verdi para barítono terminaron por encender definitivamente al público: la más hermosa romanza de *Un baile de máscaras*, en voz de Renato, "Eri tu che macchiavi quell'anima..."; el aria del Conde de Luna, de *El trovador*, "Il balen del suo sorriso..."; y la mortal frase de don Rodrigo, que antecede al bellísimo dúo con el tenor, en *Don Carlo*, "Per me giunto è il dì supremo". Pasajes todos ellos de enorme dramatismo y singular emotividad; este itinerario por el catálogo verdiano no podía terminar mejor que con el aria de arias para barítono, de *Rigoletto*, "Cortigiani, vil razza dannata...", encendida imprecación que el jorobado bufón hace a sus enemigos.

Una noche verdaderamente inolvidable: tan precoz y completo barítono siberiano nos ofreció sólo dos encores, eso sí, de antología. El primero de ellos, entrando a escena cuando la orquesta ya había empezado, fue otro de los aires por excelencia para dicha tesitura, "Largo al factotum...", célebre aria bufa de *El barbero de Sevilla*, de Rossini, que cambió el ánimo de la velada y con la cual Hvorostovsky subrayó de igual modo sus no menos variadas y bien recibidas dotes histriónicas. Número que todos esperábamos, ineludible, se despidió de su público con el que es uno de los himnos de la canción folclórica rusa: "Ochi chornye". ¡Una de las figuras mejor recibidas, y sobre todo despedidas, en la historia reciente del Palacio de Bellas Artes!

Дмитрий Хворостовский Одна из великих легенд

По мнению Питера Конрада, опера - это не просто спорт, а демонстрация физических и технических достижений, а также почти религиозное художественное действо, устремлённое к небесам, откуда изначально изливалась музыка, подобно солнечному свету Аполлона. В этом контексте певцы устремляют свои высокие ноты в исследовательские дали, словно используя их как лестницы, ведущие к вершине. Поскольку цель оперы - в ликовании, одно слово определяет её эмоциональное воздействие и возвышенную эстетику: это восклицание *Отелло* из *“Отелло”* Верди, когда стихает буря: *“Ликуй!”*. Гордость мусульман, погребённая и в море, и в небесах, и в славе...”.

Несмотря на то, что в оперном мире доминируют сопрано и теноры, другие тембры также внесли свой вклад в магическое величие этого искусства. Что касается баритонов, то среди них выделяются такие имена, как Титта Руффо, Этторе Бастианини, Леонард Уоррен, Тито Гоби, Джузеппе Таддеи, Роберт Менилл, Дитрих Фишер-Дискау, Пьеро Капучилли и Херман Прей - лишь некоторые из выдающихся легенд, оставивших свой след в этом реестре в XX веке. Дмитрий Хворостовский обладает всеми качествами, необходимыми для получения такой номинации. Большинство великих баритонов достигают пика своего мастерства в зрелом возрасте, поэтому неудивительно, что этот сибирский феномен, которому всего 36 лет, уже обладает твёрдым вокальным стилем, позволяющим успешно исполнять самые разнообразные произведения.

Хворостовский начал свой творческий путь совсем юным, но уже к концу 1980-х его имя было известно в самых престижных оперных театрах. Его первые звукозаписи охватывали как фольклорный, так и классический репертуар русской музыки, отражая национальную направленность, где особенно выделялись такие авторы, как Антон Рубинштейн, Бородин, Мусоргский, Римский-Корсаков, Чайковский и Рахманинов. Блестяще проявив себя в русской опере, о чём свидетельствуют его записи *“Евгения Онегина”* и *“Пиковой дамы”* Чайковского, он вскоре с не меньшим успехом обратился к бельканто (Россини, Беллини и Доницетти) и обширному и богатому репертуару Верди для баритона.

Первый визит столь харизматичного исполнителя вызвал огромный ажиотаж среди мексиканской публики. Однако ожидания превзошли все прогнозы, когда мы увидели, как тепло его встретили преданные поклонники. Благородный тембр, широкий диапазон, мощь, фразировка, техника и индивидуальность - вот лишь некоторые из ключевых качеств, которые выделяют его как одного из самых ярких баритонов современности. Его манера исполнения и чуткое отношение к аудитории поистине уникальны. Его исполнение как басовых, так и сольных партий безупречно, а вокальная линия, где музыкальность и драматическая выразительность идеально сочетаются с разными ролями и мелодиями, поражает теплотой и глубиной, свойственными лишь тем, кто по-настоящему призван к этому удивительному и сложному искусству - опере.

Обладая манерой и элегантностью толстовского персонажа (Граф Андрей Болконский из "Войны и мира"), Хворостовский в первой половине программы исполнил несколько номеров из русского репертуара благодаря которым он стал известен, в частности, знаменитая ария "Ужель та самая Татьяна" из "Евгения Онегина" и не менее прекрасное "Я вас люблю", которое поёт Елецкий в "Пиковой даме", двух лучших ариях Чайковского. Российская сторона дополнила исполненный сибирским тенором отрывок из самой необычной оперы Римского-Корсакова "Царская невеста", репертуар которой наша Камерата под руководством молодого американца Камалья Хана (ассистента Джеймса Левайна в Метрополитен-опера в Нью-Йорке) исполняла под аккомпанемент плюс увертюра из "Руслана и Людмилы" Глинки и полонез из "Евгения Онегина". Чтобы продемонстрировать, что и французская опера ему не чужда, этот харизматичный баритон завершил первую половину концерта арией Валентина из второго акта "Фауста" Гуно - "Avant de quitter ces lieux...".

Вердиевская манера исполнения: во второй части концерта Дмитрия Хворостовского царил гений Ронколе. Четыре из самых известных арий Верди для баритона в конечном итоге окончательно воспламенили публику: самый красивый романс из "Бала-маскарада" в исполнении Ренато "Egi tu..."; ария графа ди Луны из "Трубадура" "Il balen il tu sorriso..."; смертельная фраза дона Родриго, предшествующая прекрасному дуэту с тенором, из «Дона Карло»: "Per me giunto – il da supremo". Все эти сцены, наполненные глубоким драматизмом и исключительной эмоциональностью, завершают путешествие по каталогу Верди на высокой ноте - арией Риголетто "Cortigiani, vil razza dannata...", где разъярённый шутовски-издевательский персонаж обрушивается на своих врагов.

Этот поистине незабываемый вечер, столь ранний и насыщенный, подарил нам всего два аншлага - и это уже само по себе антология. Первый из них, появившись на сцене, когда оркестр уже начал вступление, исполнил "Largo al factotum" = знаменитую комическую арию из оперы Россини "Севильский цирюльник". Эта ария не только сменила настроение вечера, но и продемонстрировала многогранный и востребованный актёрский талант Хворостовского. Номер, которого все с нетерпением ждали - неизбежный финал, где прозвучал один из гимнов русской народной песни: «Очи чёрные». Это одна из самых тепло встреченных и, главное, незабываемых постановок в новейшей истории Дворца изящных искусств!

Перевод с испанского Ирины Трушкиной